

П.П. Гензель

**Система налогов советской
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 336
ББК 65.05
П11

П11 **П.П. Гензель**
Система налогов советской России / П.П. Гензель – М.: Книга по Требованию,
2014. – 88 с.

ISBN 978-5-458-55074-1

ISBN 978-5-458-55074-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вкладов и аннулирование $\frac{1}{10}$ бумаг (что равносильно их экспроприации) имело реальную выгоду для государства только постольку, поскольку тем самым в его пользу удерживался доход, т. е. получалась экономия на платеже процентов.

Поэтому, именно, чрезвычайный революционный налог и не дал ожидавшихся фискальных результатов, и эта мера имела, по существу, не финансовую (т. е. направленную на получение государственного дохода) цель, а задачу социально-политического характера. Отсюда вполне понятна финансовая безрезультатность и другого декрета, который был издан Советом Народных Комиссаров на следующий день после декрета о чрезвычайном 10-миллиардном налоге, именно, декрета от 31 октября 1918 г. о порядке взимания местных контрибуций или так наз. «единовременных чрезвычайных революционных налогов, устанавливаемых местными Советами Депутатов». Эта безрезультатность в финансовом отношении должна была быть тем большей, что декрет требовал взимание подобных местных контрибуций «преимущественно наличными деньгами».

К тому времени Советское Государство удержало в руках граждан из доходных источников только доход от сельского хозяйства. Поэтому в строе идей о социализации общества было вполне последовательно издание декрета ВЦИК «об обложении сельских хозяйств натуральным налогом» от 30 октября 1918 г., т. е. одновременно с декретом о чрезвычайном 10-миллиардном налоге. И, что особенно знаменательно, натуральный налог был построен таким образом, что он отбирал все излишки и сельско-хозяйственной продукции, сверх необходимого минимума для собственного продовольствия. Хотя в заголовке декрета ставилась задача, «чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков—богатеев была возложена главная часть государственных сборов», однако, практически вопрос сводился к реквизиции всех излишков, ибо «налог, подлежащий внесению плательщиком с продуктов сельского хозяйства, исчислялся с излишка их по

сравнению с потребностями самого хозяина и определялся по размерам площади посева и по количеству голов скота»; «освобождались от налога хозяева, имеющие на 1 октября такое количество десятин снятого уже в текущем году посева и такое число голов скота, какие дают запасы продуктов, необходимые только для собственного потребления». Чем больше размер площади посева и чем больше количество голов скота по отношению к числу едоков в хозяйстве, тем выше была сумма подлежащего сдаче количества натуральных продуктов применительно к средней урожайности района.

Отсюда ясно, что налоговая политика Советской власти в этот период строилась на совершенно иных основаниях и преследовала совершенно иные цели, чем обычная фискальная политика. На самом деле, если министры финансов всех стран ставят себе задачей получение необходимых государству средств с таким расчетом, чтобы сохранить источник обложения, то Советская власть принципиально становилась на точку зрения экспроприации самого доходного источника. В этом же направлении были использованы и ранее действовавшие налоги, как например, подоходный, декрет о котором (27 марта 1919 г.) допускал максимум дохода в 72.000 руб.

Практически такая фискальная политика должна была привести к полному исчезновению объектов обложения: денежные налоги умерли сами собой, а натуральный налог повел к решительному сокращению запасек ¹⁾. Что же касается косвенного обложения, то таковое, вследствие национализации всей промышленности, утратило прямой смысл. Декретом 21 ноября 1918 г. косвенные налоги были заменены начислениями в пользу государства к цене продуктов и изделий, передаваемых производящими организациями в распоряжение распределительного аппарата (всей сети советских и кооперативных распределительных пунктов); однако, такие начисления естественно пре-

¹⁾ См. НКФ. Народное и Государственное Хозяйство СССР 1922—1923 года, стр. 23.

вратились в простые бухгалтерские расчеты между государственными учреждениями, а потому и были формально отменены декретом 17 января 1920 г.

2. Новая экономическая политика и восстановление налоговой системы.

В тисках блокады и изнурительной гражданской войны и в условиях общей экономической разрухи и дефицитности народного хозяйства Советская Республика напрягала до последней возможности свои финансовые ресурсы в двух направлениях: 1) натуральным обложением крестьянства с обращением почти всей продукции своей национализированной промышленности на нужды обороны и 2) выпуском бумажных денег.

Одно время можно было думать, что бумажные деньги обесценятся до такой степени, что они сами собой исчезнут и окажутся ненужными в народном хозяйстве, которое все более переводилось на натуральное снабжение. При этих условиях отпал и самый смысл удержания денежных налогов, ибо они стали играть слишком ничтожную роль и даже могли явиться известной помехой делу естественного отмирания денег и денежного оборота. Поэтому в начале 1921 года Советское Правительство в принципе провозгласило отмену всех денежных налогов и сборов и приостановило их взимание.

Однако, полный перевод всего народного хозяйства на регулируемое производство и распределение оказалось невозможным довести до конца. Страна была истощена до крайних пределов. Промышленность, работая главным образом на нужды обороны, не давала населению необходимой продукции, и не последнюю роль в падении производительности труда в промышленности играло недостаточное снабжение рабочих. С другой же стороны, крестьянство, вынужденное отдавать все свои продовольственные излишки и не получавшее никакого эквивалента за отбираемые у него продукты, стало сокращать запашки и все более замыкаться в рамки натурального хозяйства,

тем более, что в условиях блокады отпал один из важнейших источников благосостояния нашего сельского хозяйства — внешний рынок, по своей емкости даже превосходивший до войны внутренний рынок сбыта.

Поэтому нужно было создать особые стимулы к тому, чтобы заинтересовать крестьянство в усилении своих запасов, а промышленность побудить увеличить свою производительность. Эта цель и была положена в основу новой экономической политики.

В этих видах крестьянству было предоставлено право все свои излишки, за уплатой продналога, сбывать на частный рынок, а это, конечно, должно было заинтересовать крестьянство в увеличении своей производительности и в усилении запасов. С другой же стороны, в целях поднятия производительности фабрик и заводов, государство предоставило им право снабжения частного рынка и достаточную свободу их хозяйствованию, объединению в тресты и проявлению собственной инициативы.

Такой переворот в экономической политике уже сам по себе требовал возврата к только еще недавно предположенным к отмене приемам финансовой политики. Когда широким слоям крестьянства была дана возможность сбывать на частный рынок произведения сельского хозяйства, когда не только мелким частным, но и крупным национализированным предприятиям было дано право выпускать в продажу большую или меньшую часть своей продукции, а всем гражданам открыто разрешено заниматься торговлей хлебом и прочими сельскохозяйственными продуктами и произведениями промышленности, — вполне естественно должен был возникнуть вопрос о восстановлении налогов, которые должны были бы в той или иной степени вбирать новые излишки доходов граждан, ибо государство не могло сводить концы с концами, когда значительная доля бывших ресурсов перешла в свободное распоряжение граждан Республики.

Не даром поэтому первое внимание Народного Комиссариата Финансов и было обращено на восстановление промыслового

обложения. Правда, последнее было введено на весьма упрощенных началах. Но и сама экономическая жизнь, и, прежде всего, торговля и промышленность только стали возрождаться вновь, при том в сравнительно простых формах. Осторожность требовала умеренного подхода к этому делу и потому, что на местах весь податный аппарат был уже расформирован и пришлось созидать его вновь.

Жизнь не могла удовлетвориться только этим. Все результаты новой экономической политики могли быть сведены на нет, если бы финансовая политика государства по-прежнему стала базироваться на так наз. «эмиссионном хозяйстве», т. е. на выпуске бумажных денег. Конечно, о полном восстановлении прежней податной системы не могло быть пока и речи, ибо при отсутствии признания прав на землю, вследствие аннулирования процентных бумаг, ограничения домовладения и торгово-промышленной деятельности и т. д., для применения прямого обложения во многих его формах нет соответствующих условий. Постоянно растущие нужды государства потребовали использования всех возможных форм прямого и косвенного обложения.

Но как бы то ни было, все различные виды прямого обложения при бедности нашего населения и, в частности, при наличии довольно обессиленного городского населения, не могли дать всех необходимых государству или особенно крупных поступлений. Поэтому пришлось прибегнуть к пошлинам и к косвенным налогам. Из косвенных же налогов в первую очередь обратились к таким, которые поражают, главным образом, известный недостаток или удовлетворение второстепенных потребностей, вроде акциза на табак и табачные изделия, виноградное вино, затем спички и т. д.

При несовершенстве податного аппарата и бедности населения все ставки новых, косвенных налогов необходимо было установить в умеренных размерах, иначе могла бы образоваться корчемная торговля или полная недоступность потребления хотя и второстепенных, но все же существенных про-

дуктов, как табак, спички и т. п. Между тем это, в свою очередь, должно было обеспечить государству слишком скромный доход. И, кроме того, при той широкой нивелировке имущественного достатка, которую создала революция, не было никакой возможности избежать и таких налогов, которые затрагивали бы широкие массы населения.

В числе таких налогов естественно должен был занять более или менее видное место и налог на соль. В буржуазных странах Запада это — широко распространенный налог, дающий крупные доходы. Для всякого совершенно ясно, что при посредстве такого налога, как налог на соль, население мелкими дозами постепенно вносит свою лепту, сплошь и рядом едва замечая обременительность платежа.

Но роль новой налоговой политики неизмеримо более важна и существенна в современных условиях, чем может показаться на первый взгляд. До последнего времени недостаточность ресурсов заставляла Советское Правительство все сильнее и сильнее напрягать печатный станок и выпускать миллиарды и триллионы рублей бумажных денег. Однако всякому известно, что выпуск бумажных денег только в том случае обеспечивает сколько нибудь серьезный эффект для государственного казначейства, если он опирается на более или менее правильно поставленную налоговую систему. На самом деле: излишки бумажек, выбрасываемых государством, непременно должны обратно втягиваться в кассы казначейства, иначе бумажки потеряют всякую цену. Когда отсутствует возможность размена бумажно - денежных знаков на металл в данный момент или в более или менее близком будущем, то единственно серьезным обеспечением является только так наз. «податное обеспечение», т. е. тот факт, что ценность денежных знаков поддерживается потребностью дензнаков для платежа налогов. Если бы все излишки выпускаемых государством бумажек извлекались обратно налоговым прессом, то они не могли бы обесцениваться.

Конечно, сокращение на рынке товаров неизбежно влечет за собою падение курса бумажных денег, но насколько сильнее должен был бы сказаться этот результат, если бы он не опирался на «выпрямляющую» роль системы государственного и местного обложения. Ведь, недаром, вслед за провозглашением свободы торговли и установлением у нас первых зачатков податного пресса, мы в сентябре и октябре 1921 г. наблюдали поразительную картину стабилизации курса бумажного рубля. Даже более, числа-показатели главнейших товаров обнаруживают, что в эти месяцы рубль не только временно остановился в своем падении, но и цены на главнейшие товары, в общем, даже слегка понизились, несмотря на то, что фабрика заготовления денежных знаков работала с прежней напряженностью. Правда, в конце 1921 года и в начале 1922 г. товарные цены опять стали быстро расти, однако, здесь приходится считаться с исключительно печальным фактом оскудения товарного рынка, происшедшего под влиянием неслыханного неурожая. И хотя финансовой организацией и нельзя вылечить глубокое расстройство народного хозяйства, однако, в такие времена государство поневоле в еще большей степени напрягает свой печатный станок. И, чтобы задержать слишком стремительное падение цен, государству в этом случае приходится в тем большей степени усиливать податной нажим.

Мы должны учитывать то обстоятельство, что выпуск бумажных денег поражает тяжелым образом, прежде всего, рабочих и служащих государства. При бумажно-денежной инфляции цены всегда неизбежно растут быстрее, чем прибавки на дороговизну. Как бы мы ни усиливали работу печатного станка, все же прибавки никогда не могут угнаться за ростом цен. Если бы это было иначе, то вся работа экспедиции Гознака пошла бы впустую: на инфляции государство именно и имеет тот «эмиссионный налог», который всей тяжестью падает на рабочих и служащих. Этот «эмиссионный налог» страшно губителен не только тем, что он так тяжело отзывался на ин-

тересах рабочих и служащих, но и тем, что он искусственно рождает спекуляцию. Широкие слои населения начинают лихорадочно скупать последние остатки товаров и выжидать стремительного повышения цен и все норовят нажить на разнице цен. Крестьяне, не видя толка в продаже своих продуктов за вечно падающие в цене бумажки, начинают воздерживаться от предложения своих продуктов и даже сокращать «бесполезные» посевы. В этом отношении тем более важная роль должна выпасть на долю податного аппарата, который должен парализовать бешеный рост цен и дороговизны. Насос государственного обложения должен стягивать обратно чрезмерные избытки бумажек и бороться на два фронта: и против обесценения валюты и против вызываемой этим обесценением спекуляции.

Вред и несправедливость «эмиссионного налога» заставляют предпочесть ему любые налоги. Налог на соль в этом смысле, несомненно, более желателен: он хотя падает на всех почти на равную сумму, но все же падает и на буржуазию, и на спекулянтов, тогда как эмиссионный налог всей своей тяжестью и односторонне падает именно на рабочих и служащих.

Конечно, слабая налаженность податного аппарата и полное отсутствие данных для определения налогообеспособности различных категорий плательщиков заставляли обращаться и к весьма примитивным способам обложения. Нет ничего удивительного, если при этих условиях, когда в первый период новой экономической политики потребовались крупные средства на помощь голодающим и на борьбу с надвигающимися эпидемиями, Советское Правительство прибегло к крайне упрощенному, но гарантирующему достаточные поступления, общегосударственному налогу с его грубыми признаками, причем все трудоспособное население было поделено всего на три разряда. Не говоря уже о гуманитарной цели такого налога, приходится признать, что он справедливее хотя бы налога на соль, ибо облагает только трудоспособное взрослое население, тогда как соль потребляют и дети, и старики, и инвалиды.

Финансовый успех общегражданского (по существу, подушного) налога побудил повторить этот прием обложения в конце 1922 и начале 1923 года в целях финансирования дела первостепенной важности—финансового восполнения сельскому хозяйству; но в повторенной форме этот налог принял уже более сложный характер с многочисленными разрядами плательщиков, для которых были установлены различные ставки.

Опыт этого налога показал, что он своим универсальным значением, т. е. в виде широко разлитой налоговой меры, содействовал восстановлению денежного хозяйства и заставил в 1922 г. крестьян выбрасывать свои продукты на рынок: это оздоравливающе повлияло и на состояние товарного рынка, и на советскую валюту.

Это вполне оправдывало дальнейший переход от ранее действовавших форм натурального обложения крестьянства к денежному. Прежде всего этот переход был осуществлен в отношении трудовой и гужевой повинности, которая в целом ряде губерний была заменена денежным налогом, а в феврале 1923 г. денежный трудгужналог установил уже до 7 категорий плательщиков этого налога.

В дальнейшем, в 1923 г., когда была произведена реформа обложения крестьянства и установлен единый сельскохозяйственный налог, где плательщикам было предоставлено право заменять причитающийся с них оклад в ржанных единицах денежным взносом, подавляющее большинство плательщиков предпочло именно денежный платеж. И, можно сказать, у нас подходили к подобной замене натуральных повинностей денежным обложением слишком осторожно и, пожалуй, мы даже запоздали с коренной ломкой натурального обложения крестьянства: очевидно, были правы именно те, которые решительно настаивали на скорейшей и полной отмене натурального обложения вообще...

Скорее в принципиальном, чем в чисто фискальном отношении (в виду незначительности ожидавшегося дохода), имел

значение установление у нас по декрету 16 ноября 1922 года подоходно-поимущественного налога, задавшегося целью настичь те группы граждан, которые в условиях новой экономической политики имеют известный недостаток, проистекающий по преимуществу от нетрудовых источников, торговли, промышленности и т. п.

На ряду с этим был широко поставлен принцип платности государственных и коммунальных услуг, при чем в отношении целого ряда этих услуг платность строилась на классовом принципе, т. е. с градацией, в зависимости от принадлежности плательщика к тому или иному классу населения.

Необходимость всячески увеличить налоговый доход заставила широко развить область косвенного обложения, которое было распространено на табак, виноградное вино, махорку, спички, гильзы и папиросную бумагу, пиво, мед, квас, фруктовые и искусственные минеральные воды, спирт, водочные изделия, коньяк и наливки, сахар свекловичный и крахмальный, чай и кофе, соль, керосин и смазочные масла, бензин, дрожжи, свечи, резиновые галоши и текстильные изделия.

Казалось бы, что столь разветвленная и всеобъемлющая система косвенного обложения должна бы вызывать серьезные возражения против своей сложности, а иногда и мелочности. Однако, в современных условиях это совершенно неизбежно. Чем беднее население, тем труднее подойти к уловлению тех ничтожных избытков, которыми оно обладает, и которые выражаются сплошь и рядом в наличности собственно не излишков, а только способности при известном напряжении дополнять сумму своего дохода или сэкономить на известном расходе. Во всяком случае, путем прямого обложения практически бесконечно трудно настичь слои населения, имеющие минимальные излишки; здесь делу могут помочь лишь достаточно утонченные приемы более или менее универсального косвенного обложения (в роде налога на соль), занимающего видное место в системе налогов в таких значительно более богатых странах, как Франция, Германия, Италия и др.